

Mémoires du comte Alexandre Benkendorf
Général cavalerie, Aide de Camp Général
de S. M. E. l'Empereur de Russie

ЗАПИСКИ БЕНКЕНДОРФА

1812 год

Отечественная война

1813 год

Освобождение Нидерландов

ЯЗЫКИ СЛАВЯНСКОЙ КУЛЬТУРЫ
Москва 2001

ББК 63.3(2)47

З 32

Издание осуществлено при поддержке
Российского гуманитарного научного фонда
(РГНФ)
проект 99-01-16040

Публикация подготовлена при содействии Пушкинской комиссии
Института мировой литературы (ИМЛИ) имени А. М. Горького
и Российского государственного военно-исторического архива

З 32 Записки Бенкендорфа. 1812 год. Отечественная война.
1813 год. Освобождение Нидерландов / Сост., прим. и сопров.
вод. ст. П. Н. Грюнберга. — М.: Языки славянской культуры,
2001. — 384 с., ил., карта. — (Studia historica).

ISBN 5-7859-0228-1

Публикуемые — впервые после начала XX века — два фрагмента из «Записок» гр. А. Х. Бенкендорфа посвящены событиям Отечественной войны 1812 года и Зарубежным походам 1813—1814 годов, активное участие в которых принимал автор. Особый интерес представляет освещение мало известных широкому читателю фактов: боя у Звенигорода 31 августа 1812 г., занятия Амстердама и Бреды в ходе освобождения Нидерландов и др. В Приложении публикуются письма А. Х. Бенкендорфа графу М. С. Воронцову 1811—1815 гг. Посвященная недостаточно изученным аспектам деятельности А. Х. Бенкендорфа публикация ломает многие устоявшиеся стереотипы и способствует объективной оценке этого выдающегося военного и государственного деятеля России. Составителю принадлежат обширные комментарии и примечания, содержащие подробный справочный материал, касающийся упоминаемых в «Записках» лиц и событий.

ББК 63.3(2)47

Составитель выражает благодарность
за консультацию и помощь при подготовке публикации

художнику и фотографу *г-же М. Б. Далибандо*;
историку 1812 года, архитектору-реставратору *г-ну Н. И. Иванову*;
литературоведу *г-ну В. А. Кожевникову*;
литературоведу-пушкинисту доктору филологических наук *г-ну В. С. Непомнящему*;
ветерану дипломатической службы и внешней разведки России *г-ну В. С. Никитину*;
журналисту и историку *г-ну Корнелиусу Северсу (Нидерланды)*;
директору краеведческого музея г. Рузы *г-ну Л. С. Соколову*.

Outside Russia, apart from the Publishing House itself (fax: 095 246-20-20 c/o M153, E-mail: koshelev.ad@mtu-net.ru), the Danish bookseller G·E·C GAD (fax: 45 86 20 9102, E-mail: slaviv@gad.dk) has exclusive rights for sales of this book.

Право на продажу этой книги за пределами России, кроме издательства «Языки славянской культуры», имеет только датская книготорговая фирма G·E·C GAD.

ISBN 7859-0228-1

9 785765 902282 >

- © П. Н. Грюнберг. Составление, сопроводительные статьи, примечания, 2001
- © Т. А. Ильяшенко, Е. Э. Лямина, М. Тищенко. Перевод с фр., 2001
- © В. С. Непомнящий. Примечание к книге, 2001

Электронная версия данного издания является собственностью издательства, и ее распространение без согласия издательства запрещается.

Оглавление

Примечание к книге (В. С. Непомнящий)	7
Предисловие	11
Краткие биографические сведения об авторе	
«Записок Бенкендорфа»	15
Примечания	21

Записки Бенкендорфа 1812 год. Отечественная война в России

Глава I	31
Глава II	44
Глава III	60
Глава IV	77
Примечания	89
Описание военных действий отряда, находившагося под начальством генерала Винценгероде в 1812-м году	113
История 1812 года и «Записки Бенкендорфа»	
Стратегический план высшего командования	123
русских армий на начальном этапе кампании 1812 года. . .	124
«Летучий корпус» генерала Винценгероде.	141
Бой при Звенигороде	145
«Хоть Москва в руках французов...»	172
«...Москва, спаленная пожаром»	182
Народ, «общество» и автор в «Записках Бенкендорфа» . .	188
Примечания	193

Записки Бенкендорфа
1813 год. Освобождение Нидерландов

«Записки Бенкендорфа» 1813 год	207
<i>Примечания.</i>	240
Действие отряда Генерал-майора Бенкендорфа в Нидерландах	263
«За Амстердам и Бреду» (Освобождение Голландии по «Запискам Бенкендорфа»)	272
<i>Примечания.</i>	302
 <i>Приложение 1. Письма А. Х. Бенкендорфа к графу М. С. Воронцову 1811—1815 годов</i>	
Вступление	309
Письма А. Х. Бенкендорфа к графу М. С. Воронцову . .	315
<i>Примечания.</i>	352
 <i>Приложение 2. Пушкинские параллели в «Записках» и письмах А. Х. Бенкендорфа</i>	
	369
Вместо заключения	385
Список иллюстраций, карт и схем	387

Примечание к книге

Вот уже полтора столетия имя этого человека в культурном сознании читателя запятнано. Стоит завести речь о Пушкине и его жизни — тут же возникает inferнальной тенью фигура Бенкендорфа. Собственно, и не фигура, а монументальная репутация: жандарм, солдафон, бюрократ, гонитель великого поэта. Сформировавшись в пристрастной системе представлений либерально-демократической общественности XIX века, характеристика эта была утверждена интеллигенцией начала века XX, ненавидевшей «царизм», а затем намертво закреплена советским пушкиноведением, чьим персонажем стал граф Бенкендорф, полностью лишенный собственного бытия. Никто ничего не хотел о нем знать, кроме того, что главным его делом было портить жизнь Пушкину. Хотя портрет генерала висит в знаменитой галерее Зимнего дворца среди изображений

...начальников народных наших сил,
Покрытых славою великого похода
И вечной памятью двенадцатого года.

Хотя именно его, вместе с Милорадовичем, имел Пушкин в виду в «Медном всаднике»:

Царь молвил — из конца в конец,
По ближним улицам и дальным
В опасный путь среди бурных вод
Его пустились генералы
Спасать и страхом обуялый
И дома тонущий народ.

Хотя это ему поэт писал 24 марта 1830 года (по франц.): «Несмотря на четыре года уравновешенного поведения, я не приобрел доверия власти... Если до настоящего времени я не впал в немилость, то обязан этим не знанию своих прав и обязанностей, но единственно вашей личной ко мне благосклонности. Но если вы завтра не будете больше министром, меня упрячут».

Не следует, конечно, преуменьшать тактического искусства поэта, совмещающего комплимент с тонким упреком насчет незнания «своих прав и обязанностей», и все же общий смысл высказывания: от добра добра не ищут; а тон письма — доверительный, почти домашний.

Вообще, следовало бы собрать и издать отдельно переписку Пушкина с Бенкендорфом и, между всем прочим, посмотреть и послушать, как поэт разговаривает со своим могущественным куратором, одним из важных людей в государстве. Это интересно потому, что в манере пушкинского эпистолярного общения отражается, как давно отмечено исследователями, личность адресата в тех ее частных качествах, какие в других источниках могут быть неразличимы. Выясняется, например, что наряду с комплиментами и реверансами (когда необходимо дежурными, а когда и по глубокому существу), благодарностями за заботу и помощь (когда ритуальными, а когда и предметно обоснованными), этикетными уверениями в «глубочайшем почтении и совершенной преданности», Пушкин нередко позволяет себе тон не только учтиво-непринужденный, но и едва ли не фамильярный, разговор на равных, «между своими», а порой чуть ли не поручения дает своему «начальнику» (например, направить прочитанную рукопись не ему, автору, а прямо издателю, — что вовсе не входило в круг забот III отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии). Еще большую свободу проявляет он в личном общении. Я. К. Грот передавал рассказ П. В. Нащокина: «Когда в разговоре о стихотворении на *выздоровление Лукулла* Бенкендорф хотел от него добиться, на кого оно написано, то он отвечал: “На вас”, и видя недоумение усмехнувшегося графа, прибавил: “Вы не верите? отчего же другой (С. С. Уваров, на которого была написана сатира. — В. Н.) уверен, что это на него?”»¹. Тот же Нащокин вспоминает: «Жонку называл Бенкендорфом, потому что она, подоб-

¹ Пушкин, его лицейские товарищи и наставники. Статьи и материалы Я. К. Грота. СПб., 1899, с. 290.

но ему, имеет полицейское, усмиряющее и приводящее все в порядок влияние на желудок»². О том, кто тебе только враг, так не говорят.

«Близ царя — близ смерти» — эту поговорку Пушкин отчеркнул в одном сборнике. Отношения его с властью известны, приукрашивать тут нечего, власть есть власть. Так было всегда, и не только на Руси. Но эти отношения, при всех катаклизмах, поводах то к унынию, то к возмущению, в целом осмыслились зрелым Пушкиным как «домашний, старый спор», неизбежное историческое обстоятельство, «сила вещей», с которою надо мирно сосуществовать, если хочешь делать свое дело. И в поведении он избрал тот путь, что называют «царским», — согласующий свободу с требованиями необходимости, волю с разумом. Но не менее замечательно и то, что стиль отношений, предложенный поэтом с «неуравновешенным поведением», недавним политическим изгнанником, «вольнодумцем» и *enfant terrible*, — этот стиль шеф жандармов генерал Бенкендорф, не препятствуя, принял.

Еще важнее другое: он никогда не проявлял собственной инициативы в деле ограничения свободы своего подопечного (и поднадзорного) — он делал только то, что обязан был делать по службе: запрещал то, что было безусловно нельзя, а все остальное позволял или не замечал. Одним словом, обращался с подчиненным по-человечески терпимо, приказы же начальства исполнял по-солдатски точно.

Совсем не обязательно менять все ориентиры, «выворачивать перчатку», чтоб понять и учесть главное, о чем, среди прочего, свидетельствует эта книга: Бенкендорф был, как чиновник и государственный муж, прежде всего солдат — не только в прозаическом переносном (честный служака), но и в высоком буквальном (воин) смысле. Лучшее, что в нем есть, как нельзя яснее видно из его славной боевой биографии, здравых размышлений о перипетиях войны, самоотверженного воинского усердия, взволнованного описания разоренной Москвы, мужественной защиты вооруженного крестьянства от столичных подозрений, из многого другого, в том числе — из его мемуарной манеры и слога, чуждых всякой позы, привлекающих ясностью, трезвостью и скромным достоинством российского офицера.

² Рассказы о Пушкине, записанные со слов его друзей П. И. Бартевым. Л., 1925, с. 49.

И вот этот человек, рожденный для войны, для борьбы с неприятелем (будь то Наполеон или «злые волны»), оказывается на полицейском месте, несет чиновничью службу, предполагающую, помимо иного, надзор за неблагонадежными субъектами, в том числе сочинителями. Это явно не его дело; а человек, оказавшийся не на своем месте, нередко становится хуже себя самого, обнаруживает неожиданные слабости и неприглядные черты. С Александром Христофоровичем — судя хотя бы по поведению с Пушкиным — такого, кажется, не произошло: он и эту работу делал честно и добросовестно, или, как писали в документах того времени, *отлично благородно*.

Пушкин, думается, это и чувствовал: не отождествлял тяжкую власть «силы вещей» с личностью своего патрона, не ждал от него какой-то особой приязни, не требовал невозможного, был благодарен за возможное. И явно его уважал.

Что он был в этом прав, говорит настоящая книга. Из нее видно: Александр Бенкендорф — это достойный деятель русской истории, его есть за что уважать.

В. Непомнящий

Предисловие

.....
Сыны Бородина, о кульмские герои!
Я видел, как на брань летели ваши строи;
Душой восторженной за братьями спешил.
Почто ж на бранный дол я крови не пролил?
Почто, сжимая меч младенческой рукою,
Покрытый ранами, не пал перед тобою
И славы под крылом наутре не почил?
Почто великих дел свидетелем не был?

.....
А. С. Пушкин. «Александр», 1815 год

Общеизвестно — граф Александр Христофорович Бенкендорф занимает в истории пушкинской жизни немаловажное место. Достаточно значительно и его место в российской истории пушкинской поры. Пушкинское же время началось, когда смертоносный вихрь, охватив Европу и почти весь мир, обрушился на Россию «грозой двенадцатого года». Отечественная война, непосредственно перешедшая в зарубежные походы 1813—1814 гг., стала началом нового времени России, началом ее новой великой культуры, а ее олицетворение для нас — гений Пушкина. События 1812 года, великого года России, были первыми и, наверное, самыми сильными патриотическими и гражданскими переживаниями для отрока Пушкина и его лицейской братии, переживаниями чистыми, незамутненными сомнительными, привнесенными искусителями, политическими страстями и пристрастиями.

Тогда, в 1812 году, как вспоминал поэт:

со старшими мы братьями прощались
И в сень наук с досадой возвращались,